

Межевой.

(Изъ жизни землеустроителей въ 90-годахъ).

IX ¹⁾.

Послѣ отъѣзда Вершинина жизнь на работахъ вошла постепенно въ свою колею. Межевые засѣли, какъ сычи, въ своихъ углахъ, каждый надъ своимъ планшетомъ. Я проводилъ время въ ожиданіи плодовъ ихъ хожденія по полю, изрѣдка навѣщая. И навѣщалъ я ихъ не съ цѣлью провѣрки, ибо что я могъ провѣрить, никогда не бравъ въ руки мензулы? Для этого былъ Остапенко, возившійся съ ними... А ѣздилъ я къ нимъ, чувствуя непроходимую тоску одиночества... Одиночества вынужденнаго, насильственнаго, когда человѣкъ поставленъ передъ стѣной, и ему сказано, что онъ передъ этой стѣной долженъ просидѣть не день, не два, а не одинъ мѣсяць, пока „съемка дачи не будетъ закончена“. Окружающіе крестьяне были „чердаки“, почти и даже въ большинствѣ случаевъ вовсе не говорившіе по-русски, а только на своемъ непонятномъ нарѣчіи. Они испуганно и удивленно взглядывали на меня при встрѣчѣ на улицахъ или въ окрестностяхъ села Чусовскаго во время моихъ безцѣльныхъ прогулокъ, и при первомъ моемъ словѣ отвѣчали мнѣ на непонятномъ языкѣ, или же уходили, молча. Большею частью это былъ народъ угрюмый, забитый, чумазый, обросшій волосами и съ виду нечистоплотный. Женщины ихъ, носившія прическу „съ рогами“, были совсѣмъ дикія. Оставался одинъ Селиванъ, который былъ тоже не изъ разговорчивыхъ. Когда прошла суматоха „съ генераломъ“, онъ опять застылъ въ своей апатіи, обулся въ лапти и вонючую бѣлую рубаху и ограничивался только вопросомъ по утрамъ, „дѣлать ли бешметъ съ лукомъ“. Обыкновенно я махалъ рукой, со сло-

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1915 г.

вами „дѣлай что хочешь“. Тогда онъ смотрѣлъ на меня уныло своими безцвѣтными глазами безъ рѣсницъ и удалялся въ кухню. Примѣръ того, какъ съёмка подвигалась, близясь къ концу, выплывали изъ всѣхъ щелей споры сосѣднихъ селеній изъ-за надѣловъ, получившихъ опредѣленныя границы при помощи межеванія. Являлись вопросы о дѣйствительномъ владѣніи и о тѣхъ расчисткахъ изъ-подъ лѣса, которыя крестьяне называли своими безъ всякихъ видимыхъ доказательствъ. Чисто инструкціонныя соображенія шли въ разрѣзъ съ интересами крестьянъ. Получалась путаница въ понятіяхъ о настоящемъ правѣ на старую землю, оставленную долгіе годы безъ всякаго призрѣнія и отстаиваемую ея владѣльцами въ силу давности и естественнаго права... При такихъ вопросахъ лицо, отъ котораго зависитъ первое рѣшеніе, ставится въ мучительно нерѣшительное положеніе. Въ такое положеніе всталъ и я. Единственнымъ облегченіемъ является при такомъ отвѣтственномъ дѣлѣ указаніе и разъясненіе со стороны, потому что, какъ ни рѣшай, а слѣдующая инстанція можетъ кассировать и въ случаѣ несоответствующаго заключенія получится изъ столицы нашлапка. И въ данномъ случаѣ интересы крестьянъ будутъ ни при чемъ, и нашлапка будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе нарушатся интересы казны, хотя бы и въ ущербъ крестьянскимъ. Какъ ни повернись, все кого-нибудь задѣнешь, либо обидишь. И „производитель“ мечется, какъ тараканъ на жару, ища указаній, строча въ губернію, которая обыкновенно молчитъ, какъ могила. О столицѣ и думать не смѣй... Передъ столицей поставлено рѣшето въ видѣ „старшаго чиновника“, предѣлъ коего не преjdeши и баста! Черезъ это рѣшето пропускаются всѣ соображенія, мысли и lamentаціи „мѣстныхъ чиновъ“ и преломляются, нерѣдко застревая и засоряя поры рѣшета, затуфтаго пленкой халатности и рабьей трусости.

Погруженный въ невеселыя думы, съѣдаемый сомнѣніями и тоскою, я сидѣлъ однажды подъ вечеръ осенью у окна своей избы и смотрѣлъ на заборъ или лучше сказать плетень, сдѣланный изъ тонкихъ жердей, узкаго деревенскаго переулка. Сверху сыпалъ мелкій дождикъ, съ гладкихъ жердей капали тяжелыя дождевыя капли въ лужу, отражавшую сѣросвинцовое небо. У окна подъ навѣсомъ крыши, нахохлившись, сидѣли куры, изрѣдка испуская глухое кудахтанье, и словно сердились на дождикъ и ненастье. Въ такіе безпросвѣтные, „мокрые“, осенніе вечера, когда еще на улицѣ и на дворѣ ясно различимы предметы, пока еще не наступила ночная тьма, одиночество чувст-

Бердяева я засталъ удрученнымъ. Онъ топтался по комнатѣ въ своемъ неизмѣнномъ сѣренькомъ пиджакѣ и возился, кряхтя и пыхтя, со своими коробками и корзинками.

— Дождикъ... скверная погода... насилу доѣхалъ въ вашу трущобу... хотите чаю? Съ вареньемъ? У меня прекрасное малиновое варенье, и Бердяевъ, свернувъ губы трубочкой, причмокнулъ, и его удрученное, бритое лицо расплылось въ улыбку.

„Словно дитя“, мелькнуло у меня въ головѣ, когда я взглянулъ на его большую круглую голову, имѣвшую дѣйствительно сходство съ арбузомъ.

За чаемъ съ „малиновымъ вареньемъ“, которымъ набить былъ цѣлый огромный „туесъ“ (иначе буракъ), я попробовалъ заговорить о дѣлахъ, о смущавшихъ меня вопросахъ, касающихся крестьянскаго землеустройства. Но только-что разговоръ сворачивался на эту тему, физиономія Бердяева становилась кислой, скучной, нижняя губа отвисала, онъ начиналъ кряхтѣть и сопѣть и заглядывалъ въ свои корзинки и коробки, которыми была уставлена вся неприхотливая мебель земской квартиры. Если же я сильно напиралъ на отвѣтъ съ его стороны, выжидая „разрѣшенія“ вопроса, онъ съеживался, жевалъ губами, и, прищуривъ на меня свои рыбьи глаза, спрашивалъ: „а вы какъ думаете насчетъ этого?“ Я излагалъ свои затрудненія, изъ которыхъ не было выхода.

— Ей Богу, П. И., не знаю, какъ вамъ тутъ посоветывать, лучше всего спросить департаментъ, говорилъ онъ съ гримасой.

— Но вѣдь этотъ запросъ задержать работы, надо сейчасъ дать распоряженіе межеввымъ, горячился я.

— А что вамъ межевые? Пусть подождутъ, надъ нами не каплетъ...

— А какъ закаплетъ сверху?

— Гм... гм... потолкуемъ завтра... что-то меня сегодня разморило послѣ дороги и клонить ко сну, и онъ сладко зѣвнулъ.

Когда я упомянулъ про Вершинина, Бердяевъ нахмурилъ свои косматые брови и началъ гремѣть коробками.

— Все съ маху... съ налету... думаетъ, тяпъ, ляпъ и вышелъ корабль... тоже гусь не малый,—ворчалъ онъ.

Я раскланялся до слѣдующаго утра. Межевые не были вызваны со своихъ мѣстъ, одинъ Остапенко только утромъ „докладывалъ“ за всѣхъ и показывалъ планы, около которыхъ „генералъ“ топтался и кряхтѣлъ, обращая вниманіе на мелочи и пустяки и упуская изъ виду все крупное и рѣшающее дѣло. Когда я опять къ нему „присталъ“ съ земельными вопросами,

онъ махнулъ рукой, сказавъ обычную фразу: „дѣлайте, какъ знаете“, и выбѣжалъ въ сѣни, долго не появляясь. Вскорѣ были поданы лошади, и Бердяевъ, простившись, залегъ въ низенькую крестьянскую кибитку и, обложенный коробками и корзинками, выглядывалъ оттуда настоящимъ арбузомъ, пока ямщикъ собиралъ возжи и отворялись ворота. Затѣмъ укатилъ, оставивъ меня съ Остапенко въ недоумѣніи.

— Всегда такъ... покряхтитъ, ничего не скажетъ и уѣдетъ... и къ чему ѣздить?—разсуждалъ хохолъ, когда повозка скрылась изъ виду.

Х.

Кончились работы. Межевые потянулись, какъ перелетныя птицы, въ городъ, на „теплое житье“, со своимъ скарбомъ, а нѣкоторые и съ семьями, за ними я въ свою „теплушку“, какъ я называлъ квартиру Звягиной. Послѣ работъ, возвратившись съ Урала, Вершининъ заглянулъ не надолго опять въ нашъ межевой муравейникъ. Онъ почему-то не остановился въ гостиницѣ, а занялъ комнату въ чертежной, пустую, предназначенную для съемочныхъ инструментовъ и помѣщавшуюся рядомъ съ „кабинетомъ“ Крючкова. Къ его пріѣзду она была обставлена лучшею мебелью, бывшею въ распоряженіи Федора Ивановича. Самъ Крючковъ ходилъ какъ на пружинахъ, и я его засталъ въ необычайномъ настроеніи, не лишенномъ торжественности. На немъ былъ надѣтъ старый видъ-мундирный фракъ. Въ петлицѣ болтался орденъ „за тридцати пяти лѣтнюю безпорочную службу“.

— Почему такой парадъ?—спросилъ я его.

— Такъ нужно-съ, отвѣтилъ Крючковъ, нервно затягиваясь папирской, генералъ не надолго сюда пріѣхалъ, онъ—тутъ за стѣной, завтра ѣдетъ въ Питеръ, и я долженъ съ нимъ имѣть сегодня рѣшительный разговоръ...

— По поводу чего?

— По поводу моей собственной судьбы и моей семьи, и онъ забѣгалъ по комнатамъ съ необычной для него быстротой.

— Неужели во время дороги и всей поѣздки, которую вы съ нимъ совершили по работамъ, вы не имѣли времени съ нимъ переговорить?

— Не могъ-съ... онъ хоть и слѣпой, но тонкій политикъ... на всѣ мои вопросы отвѣчалъ экивоками и мычаніемъ... а

теперь-съ... настала рѣшительная минута, и Крючковъ подошелъ къ стѣнѣ и приложилъ ухо.

— Что это вы?

— Тс... тс... я знаю, чѣмъ онъ занятъ теперь. Подъ диктовку его пишетъ секретарь, и Крючковъ поднялъ торжественно руку, генераль диктуетъ смертный приговоръ нашему отряду... Что онъ рѣшитъ, такъ и будетъ...

— Какъ?

— Вы можете быть спокойны за себя (и Крючкова ротъ расплылся въ блаженную улыбку), васъ не оставятъ за штатомъ, а вотъ... и онъ судорожно вздохнулъ, тѣ, которые выслужили пенсію, тѣхъ участь виситъ на волоскѣ, и онъ забѣгалъ по комнатѣ.

— Но вѣдь генераль вамъ обѣщаль? Онъ васъ цѣнитъ, хотя... и я поникъ головой, вспомнивъ предательскій отзывъ Вершинина о Крючковѣ въ отсутствіи его.

— Обѣщаль... цѣнитъ, ха, ха, ха, и Крючковъ закатился, дѣтямъ это говорите, а я ужъ старъ...

Въ этотъ моментъ вошелъ слугитель.

— Васъ, Ѳедоръ Ивановичъ, проситъ генераль къ себѣ.

— Во!—воскликнулъ Крючковъ, поднимая палецъ къверху и тараща глаза изъ-подъ очковъ, — иду,—и, застегнувъ вице-фракъ и поправивъ болтавшійся орденъ, исчезъ за дверью. Аудіенція продолжалась долго. Я ушелъ домой, не дождав-шись результатовъ, и не видалъ Ѳедора Ивановича до самаго отъѣзда Вершинина.

Провожали генерала подъ вечеръ на вокзалѣ желѣзной дороги. Онъ пріѣхалъ веселый, съ обѣда, даннаго ему мѣстнымъ управляющимъ, и во все время до отхода поѣзда съ его устъ не сходила очаровательная улыбка. „Производители“ были мрачно торжественны и держались въ сторонѣ кучкой. „Никита мокрый“ тянулся передъ высшимъ начальствомъ и ѣлъ его глазами.

— Не могу, братъ, я, шепнулъ онъ мнѣ, безъ страха смотрѣть на него, такъ вотъ поджилки и трясутся. Онъ вытягивалъ грудь, какъ на смотру, и пыхтѣлъ. Крючковъ словно окаменѣлъ. Его лицо застыло, принявъ вопросительно-глубокомысленный видъ.

— Ну, что, какъ?—спросилъ я его.

Онъ только крякнулъ и закутался въ свой енотъ.

— Плохо его дѣло, шепнулъ мнѣ Фелицынъ, который одинъ не терялъ смѣлости. Онъ храбро говорилъ, войдя въ генераль-

скую группу, составившуюся изъ Вершинина, Бердяева и управляющаго, очень скромнаго человѣка. Бердяевъ имѣлъ скорбный видъ, жевалъ губами, но храбрился и подшучивалъ, впадая въ общій тонъ разговора.

— Нѣтъ, вы представьте себѣ, говорилъ громко Вершининъ, какую штуку выкинулъ на этомъ вокзалѣ этотъ толстякъ межевой, ну, какъ его, забылъ фамилію, — Брюхинъ или Брюквинъ...

— Брюкинъ, подсказалъ Бердяевъ.

— Все равно, чортъ съ нимъ, какъ его зовутъ... Въ бытность мою здѣсь старшимъ чиновникомъ... Это нѣчто невозможное, ха, ха, ха, раскатывался Вершининъ и схватилъ за пуговицу управляющаго. Вообразите себѣ, Николай Васильевичъ, прѣзжаетъ министръ О—скій, всѣ его встрѣчаютъ, я стою впереди во главѣ моего межевого войска, а этотъ толстый межевщикъ, какъ нарочно, вылѣзъ со своимъ громаднымъ пузомъ впередъ изъ всего ряда. Министръ здоровается за руку со мной, я ему представляю своихъ подчиненныхъ. Министръ подходитъ къ нимъ, а пузо претъ впередъ... Министръ вообразилъ, что это какой-нибудь важный чинъ, какой-нибудь старшій производитель, идетъ къ этой огромной фигурѣ и первому ему протягиваетъ два пальца... Тотъ же, этотъ кретинъ Брюкинъ, начинаетъ пыхтѣть, какъ паровозъ, и пятится назадъ.. вмѣсто того, чтобы протянуть руку министру, онъ обѣ свои потныя ручищи закладываетъ за спину, страшно вращая глазами... Если бы вы видѣли его фигуру въ то время.

— Воображаю! — воскликнулъ Бердяевъ и затрясся отъ смѣха.

— Министръ опустилъ руку и недоумѣвающе посмотрѣлъ на меня... Мое-то положеніе каково!

— Хуже губернаторскаго... и что же, Брюкинъ, этотъ? спросилъ управляющій.

— *Imaginez-vous*, mon cher Николай Васильевичъ, какой ловкости и усилій мнѣ стоило, чтобы вывести министра изъ неловкаго положенія, подставивъ подъ его руку какого-то ближайшаго производителя и оттѣснивъ этого глупаго толстяка... И потомъ, ха, ха, ха, когда я его спросилъ, почему онъ не подалъ руки министру... Брюкинъ сказалъ, краснѣя и пыхтя, что онъ боится щекотки, ха, ха, ха!

— Такъ онъ вообразилъ, что его будутъ щекотать!? спросилъ, усмѣхаясь, управляющій.

— Именно щекотать—сказалъ Вершининъ, громко хохоча.

Хохотали окружающіе... „Производители“, у большинства которыхъ скребли кошки на сердцѣ, силились изобразить улыбку. Крючковъ же не измѣнялъ своего каменнаго выраженія. Разговоръ былъ прерванъ вторымъ звонкомъ, послѣ котораго всѣ потянулись изъ зала 1-го класса на платформу къ вагонамъ. Послѣ третьяго звонка, простившись со всѣми, Вершининъ громко облобызался съ Бердяевымъ.

— Нашъ-то, нашъ въ засосъ цѣлуется, шепнулъ мнѣ Вершининъ, кивая на Бердяева, а тотъ ему яму уже вырылъ...

Вершинину помогли взобраться на площадку вагона. Когда поѣздъ тронулся, онъ махалъ фуражкой съ площадки и очаровательно улыбался.

XI.

Съ денежной стороны Ѳедоръ Ивановичъ считался зажиточнымъ среди межевыхъ, такъ какъ у него всегда можно было „перехватить“. Когда кто-нибудь изъ нихъ приходилъ къ Крючкову съ просьбой „одолжить“, то онъ никогда не спрашивалъ „зачѣмъ и на что“, а строго и сурово смотрѣлъ черезъ очки и спрашивалъ „сколько?“. Записавъ цифру въ особую книжку, съ которой онъ никогда не разставался, онъ вставалъ медленно со стула и шелъ къ своему огромному сундуку. Крышка поднималась, голова Крюčkова опускалась, при чемъ его рѣдкіе, прилизанные съ проборомъ, волосы блестяли, и требуемая сумма въ видѣ соответствующаго количества бумажекъ или металла, извлекалась. Никто не зналъ и не спрашивалъ, изъ какого источника ссужались деньги. И, въ свою очередь, когда Крючковъ приходилъ къ кому-нибудь и говорилъ: „мнѣ нужны-съ деньги (столько-то)“, ему безпрекословно давали, не спрашивая, зачѣмъ и на что, и знали, что онъ отдастъ точно и аккуратно. Всѣ беззавѣтно вѣрили въ денежную „непогрѣшимость“ и аккуратность Крюčkова. Вѣра эта простиралась до подписи векселей, учитываемыхъ въ мѣстномъ банкѣ, гдѣ тоже отзывались, что „Ѳедоръ Иванычъ—вѣрный, обстоятельный человѣкъ“.

Послѣ отъѣзда Вершинина, Крючковъ сталъ на себя не похожъ. Его движенія сдѣлались порывистыми и нервными. По чертежной онъ не ходилъ, какъ прежде вкрадчивыми, нѣсколько, шлепающими шагами, а скорѣе бѣгалъ. Глаза его горѣли, и въ нихъ сквозила какая-то затѣенная мысль. Голосъ его сдѣлался скрипучимъ и дребезжащимъ. Онъ говорилъ одно,

а думалъ другое. Среди разговора онъ часто „срывался“ съ мѣста и бѣгалъ по комнатѣ, засунувъ руки въ карманы брюкъ, словно въ припадкѣ острой зубной боли... Иногда останавливался среди комнаты или у окна и разводилъ руками, словно бесѣдуя съ кѣмъ-то. Нерѣдко межевые заставляли его надъ какой-нибудь вѣдомостью или бумагой съ опущенной головой, погруженнымъ въ глубокую задумчивость...

XII.

...Сумерки. Морозить. Изъ-за двойныхъ оконныхъ рамъ съ улицы несется глухое скрипѣнье полозьевъ по крѣпкому и бѣлому, какъ сахаръ, снѣгу... Медленно двигаются возы съ дровами, слышится неясный говоръ, понуканье и сердитые окрики прозябшихъ мужиковъ. Въ моихъ комнатахъ полумракъ и тишина.

Свѣтъ зажигать еще рано, да и не хочется. Я лежу на кушеткѣ и смотрю на разрисованное ледяными узорами окно, на темнооранжевую полосу заката, виднѣющуюся надъ крышами деревянныхъ домовъ, и ни о чемъ не думаю... Въ тѣлѣ чувствуется истома, нѣтъ стремленій, нѣтъ желаній, организмъ находится въ періодѣ покоя... Ловишь звуки извнѣ, прислушиваешься къ жизни, къ бѣненію собственнаго сердца. Какая-то щемящая тихая грусть заползаетъ во внутрь, дѣлается чего-то жаль, прошлаго, неуловимаго. Ощущеніе сумерекъ... сожалѣніе о потухающемъ свѣтѣ, объ уходѣ жизненной энергіи, о замираніи... Часы въ сосѣдней половинѣ моей хозяйки Звягиной мѣрно и основательно тикаютъ, и въ этомъ глухомъ тиканьи чудится задумчивость надъ чѣмъ-то большимъ и важнымъ, неопредѣленнымъ и вѣчнымъ, какъ самая идея времени.

Въ сосѣдней комнатѣ раздается шорохъ осторожныхъ шаговъ.

— Кто тамъ?—спрашиваю я, не поднимаясь съ кушетки.

— Это я, П. И., слышится привѣтливый голосъ старушки Звягиной, вы не спите?

— Не сплю, Надежда Ивановна, а вставать не хочется...

— Ну и лежите, я пришла лампадку поправить, тухнетъ... морозъ какой на улицѣ, говорила она, заглядывая въ мою комнату, а у васъ тепло?

— Тепло, хорошо... скучно только немного.

— Жениться бы вамъ, сказала со вздохомъ старушка, и скука бы прошла, а то, что же такъ-то, одинокому-то...

— И не выгорѣло, dokonчилъ онъ, потирая озябшія руки. Я тоже, братъ, нынче не могу уснуть послѣ обѣда, хоть ты что хочешь... прежде, какъ колода... какъ ляжешь, такъ и провалишься въ бездну. А тутъ на-поди, и онъ крякнулъ, тепло у тебя, хорошо, а на дворѣ стужа... проговорилъ онъ, оглядывая комнату. Усѣлись.

— А у производителя бутылочки пивца не найдется, чтобы угостить товарища?—спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Найдется, сдѣлай одолженіе, и я позвонилъ.

— То-то... Разговоръ не клеился. Подали пиво.

— А я, братъ, сейчасъ сдѣлалъ одно дѣло, да и беспокоюсь. Федоръ Ивановичъ упросилъ меня поставить бланкъ на векселѣ въ 200 рублей, чтобы учесть его въ банкѣ. Подписалъ-то я подписалъ, а встѣ теперь и думаю, какъ это все выйдетъ. Что-то онъ какъ будто странный какой-то сталъ, задумывается, все говорить загадками... Не замѣчалъ ты, П. И.?

— Какъ не замѣчать...

— Ну а какъ онъ съ денежной стороны, на счетъ уплаты по векселю?

— Не знаю, милый, потому что самъ съ мѣсяцъ тому назадъ поставилъ свой бланкъ на векселѣ по его просьбѣ на большую сумму, чѣмъ ты...

— Да ну?!—воскликнулъ „Никита мокрый“, и на его широко гладкомъ лицѣ расплылась успокоительная улыбка.

— Что?! Легче стало?!

— Да какъ сказать, конфузливо проговорилъ онъ, ужъ вѣрно вдвоемъ придется отвѣчать своимъ карманомъ... да вдвоемъ ли? Можетъ, и со многими такъ?

— Не знаю...

— Да тебѣ что? Ничего, ну, потерялъ и баста! Ты человекъ одинокій, а вѣдь у меня жена въ больницѣ, ребенокъ растеть...

— Да вѣдь ты съ ребенкомъ, кажется, немного няньчишься...

— Эхъ, братъ, не бывалъ ты въ моей шкурѣ... вотъ и разсуждаешь... И ребенка-то жаль, да и скука гнететь непроходимая... тоска... Вотъ и маешься послѣ чертежной, какъ Каинъ какой по городу. Чтеніе въ голову не идетъ, да и какъ тутъ читать, когда все нутро въ разстройство, ну и бродишь по пріятелямъ, чтобы у нихъ набраться веселья...

— Нашелъ средство... пріятели-то сами не знаютъ, куда отъ тоски дѣваться, отвѣтилъ я, подливая ему пиво въ огромную

кружку, которую онъ единымъ духомъ опрокидывалъ въ свою пасть.

— Сыграй-ка что-нибудь на фортопянахъ, П. И., вѣдь ты мастеръ... на душѣ-то больно тоскливо, такъ кошки и скребутъ, сказалъ Никита, пришедшій понемногу въ лирическое настроеніе.

Я подошелъ къ своему роялю, единственному моему сокровищу и главному утѣшителю отъ острыхъ приливовъ гнетущей провинціальной тоски, среди одинокой жизни. Я сыгралъ одну изъ извѣстныхъ вещей Шумана („Aufschwung“):

— А что, братъ, вѣдь это хорошо, ей Богу, хорошо! Только вѣдь я дуракъ неотесанный въ музыкѣ. Что это означаетъ? Ну какъ эту музыку можно перевести на человѣческій языкъ?

— Вотъ видишь, Никита Ивановичъ, бываетъ у человѣка сильный порывъ, подъемъ духа, стремленіе вырваться изъ-подъ гнета судьбы и обстоятельствъ, и онъ, махнувъ рукой на все, стремится летѣть куда-то, рвется неудержимо безъ оглядки, и ему не жаль прошлаго, а онъ видитъ передъ собой идеальную цѣль, которую онъ жаждетъ достичь всѣмъ существомъ своимъ.

— Такъ-съ, значить, завей горе веревочкой, такъ что-ли?..

— Пожалуй и такъ...

— Ну-ка, братъ, еще вали, крикнулъ мнѣ Никита, по сердцу словно масломъ полили.

Только - что я заигралъ, раздался звонокъ, и въ комнату вошелъ Федоръ Ивановичъ.

— А вотъ и я... вижу огонекъ, музыку, и зашелъ къ вамъ... а у васъ хорошо, тепло, а у меня холодно, дѣти шумятъ, жена бранится, говорилъ онъ, здороваясь съ нами. Все это онъ проговорилъ какимъ-то надтреснутымъ голосомъ, съ блуждающей улыбкой. И намъ сдѣлалось неловко при немъ.

— Продолжайте, продолжайте, сказалъ онъ мнѣ, я прервалъ своимъ приходомъ музыку... а я люблю послушать... Я опять заигралъ.

— Счастливы вы человѣкъ, П. И., что можете играть, отъ многихъ горькихъ минутъ вы избавлены,—сказалъ задумчиво Крючковъ. Знаете что, Никита Иванычъ, когда ужъ мнѣ сдѣлается очень скверно, не вмоготу, я иду вотъ его слушать, (онъ указалъ на меня), и отойдешь.

— Да вотъ и у меня засвербило въ печенкѣ, добавилъ Никита, а теперь ничего, таково вольготно стало.

— А вы намъ, какъ добрымъ пріятелямъ, объясните при-

чину вашей тоски, и тогда можетъ и легче станеть, сказалъ я Крючкову.

— Эхъ, господа, вы люди молодые, вы меня не поймете, у васъ вся жизнь впереди, а у меня ужъ все прожито и ничего впереди... а тутъ еще семья на шеѣ...

— Что вамъ Вершининъ сказалъ, Ѳедоръ Иванычъ, скажите, вдѣсь люди свои, хорошіе, проговорилъ Ватрушинъ.

— Вершининъ... Вершининъ меня зарѣзалъ!! Я ли ему не служилъ? а онъ... рѣшилъ, что я довольно послужилъ... Сибирь, значить—тю-тю... и въ перспективѣ грошовая пенсія и нищета... съ восемью душами на плечахъ!!

— Но вѣдь бумаги еще нѣтъ?

— Идетъ она... эта проклятая бумага... я чувствую, что она идетъ и зарѣжетъ не меня одного и другихъ тоже!—крикнулъ отчаяннымъ голосомъ Крючковъ и, затѣмъ, спохватившись, на-супился.

...Вотъ видите, какъ я разѣоткровенничался и распустилъ нюни, словно баба, до свиданія, господа!—и онъ протянулъ намъ жилистую руку.

— Куда, куда?.. Ѳедоръ Иванычъ, посидите...

— Нѣтъ-съ, говорилъ онъ въ прихожей, закутываясь въ свои еноты, не могу... сидѣть на одномъ мѣстѣ.

— Да куда вы пойдете на ночь глядя?—удерживалъ я.

— Послушалъ хорошую музыку, можетъ, въ послѣдній разъ, и довольно съ меня, а теперь... въ клубъ, въ карты играть... испытывать фортуна!—крикнулъ онъ и скрылся за дверью.

— Охъ, что-то не ладно съ нимъ!—застоналъ Никита, погружаясь въ пиво...

XIII.

Утромъ пришла злополучная „бумага“ изъ Петербурга. Благодаря ей, выбрасывались за бортъ „службы“ десятки людей, ничего за душой не имѣвшихъ кромѣ службы, привыкшихъ къ ней и отдавшихъ *естъ силы свои* этому безжалостному Молоху бюрократіи. Это коварное и злое божество, которому добровольно отдаются на съѣденіе человѣческія жертвы, не щадить людей, унося изъ нихъ жизненные соки, калѣча здоровыхъ и цвѣтущихъ юношей, покрывая мохомъ и плѣсенью зрѣлыхъ людей... Сколько преждевременныхъ ревматизмовъ создала межевая служба, благодаря хожденію по болотамъ во всякую погоду, ночевкамъ въ полѣ подъ открытымъ небомъ! Сколько гемороевъ

она устроила, заставляя корпеть надъ безконечными планами и планшетами и огромными таблицами вычислений, въ которыя рѣдко кто заглядывалъ! Сколько преждевременной слѣпоты и, такъ называемой, „слабости зрѣнія“ она причинила людямъ, обладавшимъ острымъ, прекраснымъ зрѣніемъ, благодаря раскрашиванію и отдѣлкѣ этого огромнаго планового матеріала, на половину гнѣющаго въ бюрократическихъ архивахъ! И весь этотъ каторжный трудъ ложится тяжелымъ гнетомъ на маленькихъ людей, на „низшую братію“, нерѣдко выходящую изъ народа, промѣнявшую здоровый земледѣльческій трудъ на эфемерную перспективу „сдѣлаться баринѣмъ“, добиться кое-какихъ чиновъ и сомнительной репутаціи „служаки“ и „землемѣра“.

И все-таки эти несчастныя, оторванныя дѣти русскаго народа летятъ, какъ бабочки на огонь... несмотря на всѣ удары судьбы, идутъ толпами и лѣзутъ добровольно въ эту бездонную, межевую яму...

Въ этотъ роковой день разоренія X-го отряда, я зашелъ въ чертежную. „Оставленные за штатомъ“ уныло сидѣли или, какъ мухи, опоенныя зельемъ, вяло передвигались съ одного мѣста на другое. Они съ завистью смотрѣли на „счастливицковъ“, получившихъ новое назначеніе ходить и мѣрить забытые углы пространной земли русской, вязнуть по колѣно въ болотахъ подъ тучами комаровъ и мошекъ...

Бердяевъ вмѣстѣ съ „разрѣшительной“ бумагой, которою онъ также оставлялся за штатомъ, получилъ въ утѣшеніе звѣзду. Отъ такой неожиданности и такого противорѣчія онъ заплакалъ, какъ ребенокъ, и беспомощнымъ, слезливымъ голосомъ говорилъ ободрившимъ его Фелицыну и Хмурову: „сдавайте за меня дѣла управляющему... я ничего не хочу знать... оставьте меня... не мучьте... все это свалилось, какъ снѣгъ на голову!“

— Да вѣдь вы должны были это предвидѣть, говорили ему.

— Развѣ такъ дѣлаютъ... сразу? А все Вершининъ... Богъ ему судья!—лепеталъ Бердяевъ.

— Настоящая баба, совсѣмъ раскисъ, пробурчалъ Агаѣонъ, выходя изъ кабинета уже теперь „заштатнаго“ генерала.

На лѣстницѣ, ведущей въ чертежную, меня встрѣтила Крюкова съ осунувшимся лицомъ, съ заплаканными глазами.

— Зайдите къ Федору Ивановичу, онъ на себя не похожъ... словно его въ воду опустили... всѣ эти дни онъ пропадалъ, а сегодня, какъ пришла бумага, онъ какъ идолъ, сдѣлался... молчитъ и револьверъ зачѣмъ-то изъ сундука вытащилъ и вертитъ въ рукахъ и на него таково нехорошо смотреть...

Боюсь, упаси Богъ, какъ бы чего не сдѣлалъ съ собой, говорила Крючкова, задыхаясь отъ волненія.

— Ну, что вы говорите, онъ вѣдь не юноша!

— Ну-да! Не знаете вы его, а я знаю... какой онъ!—и она, нервно всхлипнувъ, сбѣжала по лѣстницѣ.

Я прошелъ къ Федору Ивановичу въ „кабинетъ“. Онъ сидѣлъ у стола, задумавшись надъ спискомъ „заштатныхъ“ и держалъ старый бульдогъ въ рукахъ.

— Зачѣмъ это вы достали?—спросилъ я его, указывая на револьверъ.

— А хороша штука, знаете, сказалъ онъ съ особенной улыбкой разсматривая оружіе, прижалъ собачку, наставилъ дуло... сюда, и нѣтъ человѣка!

— Бросьте эти мысли, Ф. И., вспомните свои лѣта..

— Вотъ я ихъ и помню...

Прибѣжалъ Фелицынъ.

— Отдайте эту игрушку мнѣ, настойчиво и строго сказалъ онъ.

— Дуд-ки-съ, господа! Вы, кажется, меня за ребеночка считаете, этотъ пріятель мнѣ вѣрно служилъ до сего дня въ моихъ повѣздахъ, никому его не дамъ, и онъ быстрымъ движеніемъ спряталъ его въ столъ и, заперевъ ящикъ, сунулъ ключъ въ карманъ.

— А пока не мѣшайте мнѣ, господа, нужно составить вѣдомость... экстренно на завтра, и онъ углубился въ бумагу.

— Ну, пойдѣмъ, шепнулъ мнѣ Фелицынъ, мотнувъ головой.

— Нехорошъ онъ... надо отъ него отнять револьверъ, говорилъ Фелицынъ, идя по дорогѣ къ дому, онъ совсѣмъ запутался за послѣднее время въ деньгахъ... не знаю, какъ и раздѣляется... скверно, скверно, а жаль старика...

Проходя вечеромъ мимо зданія чертежной, въ верхнемъ этажѣ, гдѣ помѣщалась семья Крючкова, я увидалъ освѣщеніе во всѣхъ окнахъ. Меня потянуло туда. Крючкова я засталъ за карточнымъ столомъ, за любимымъ его преферансомъ (винта онъ не любилъ) въ компаніи Ватрушина и межевого Баснева. Около Крючкова сидѣлъ благообразный пожилой мужчина съ шапкою сѣдѣющихъ волосъ и окладистой бородой.

— Позвольте васъ познакомиться, заговорилъ Федоръ Ивановичъ, поднимаясь со стула и съ изысканной любезностью обращаясь къ незнакомцу, нашъ молодой производитель работъ... а это наше свѣтило, попавшее въ трущобу въ силу судьбы, Иванъ Ивановичъ Большовъ... Мы пожали другъ другу руки.

Я еще ранѣе слышалъ про писателя Большова, сосланнаго за „политическія ошибки“ въ X—, но никогда его нигдѣ въ обществѣ не встрѣчалъ. Большовъ велъ замкнутую жизнь, избѣгая такъ называемаго „общества“ губерніи, жилъ уединенно и появлялся только къ „особеннымъ людямъ“ въ „особые“ моменты.

— Тяжело, я думаю, вамъ жить въ нашей глуши, да еще подь охраной, сказалъ я ему.

— Человѣку нигдѣ тяжело не должно быть, писателю же въ особенности, въ каждомъ некультурномъ центрѣ земли нашей имѣются и находятся люди, и на послѣднемъ словѣ Большовъ сдѣлалъ особое удареніе, сверкнувъ своими глубокими глазами.

— Иванъ Ивановичъ—свѣтлый человѣкъ и своими лучами стремится разсѣять мракъ нашихъ душъ, сказалъ Крючковъ, берясь за карты.

— Поиграйте, поиграйте, Ѳедоръ Ивановичъ, сказалъ загадочно Большовъ, иногда и карты помогаютъ разсѣяться и разогнать жизненные тучи.

— Нѣтъ-съ—и Крючковъ вскочилъ со стула, порывисто бросая карты, такъ что вся колода разсыпалась, эти карты сослужили мнѣ скверную службу... когда-то мнѣ очень везло въ игрѣ, и я выигрывалъ иногда много денегъ, и, конечно, по молодости и легкомыслію, ихъ спускалъ между рукъ, и нынѣ я думалъ поправить свои денежные дѣлишки картами и пошелъ въ клубъ искушать фортуны... и что жъ?

— Конечно, проиграли, сказалъ Большевъ, потому что хотѣли выиграть...

— Да!—и Крючковъ опустилъ голову... Мнѣ нуженъ былъ этотъ выигрышъ, какъ якорь спасенія, за который я хватался, и былъ моментъ, когда карта мнѣ пошла и у меня образовалась цѣлая куча радужныхъ, а потомъ... потомъ, я все спустилъ, и выигрышъ и всѣ деньги, которыя со мной были...

— Экая напасть! Экая бѣда! — воскликнули Ватрушинъ и Басневъ.

— Старая исторія, замѣтилъ Большовъ.

— Я знаю, что мнѣ осталось дѣлать, мрачно сказалъ Крючковъ, берясь за колоду и раскладывая пасьянсъ.

— Что же? — спросилъ Басневъ, ужъ не пугайте насъ, Ѳед. Ив...

— Чего вамъ пугаться, ваше дѣло сторона, вотъ если бы жена отъ меня сбѣжала, какъ отъ васъ, я бы не сталъ напу-

скать на себя михлюндію, какъ вы, а сказалъ бы: слава тебѣ, Господи!

Басневъ прикусилъ губу и сморщилъ брови, густо покраснѣвъ, уязвленный въ больное мѣсто.

— На вопросъ-то вы все-таки не отвѣтили, пробормоталъ онъ.

— Я знаю, что вы думаете сдѣлать, сказалъ Большовъ, почему и пришелъ по вашему письму къ вамъ, хоть тамъ и ничего не было сказано о вашемъ намѣреніи, но я чувствовалъ, угадалъ ваше настроеніе.

— Вамъ и книги въ руки, земной вамъ поклонъ за ваше посѣщеніе... вы зря, ни къ кому не пойдете, замѣтилъ прочувствованнымъ тономъ Крючковъ.

— Такъ вотъ видите, заговорилъ Большовъ, по моему мнѣнію, самоубійство самый плохой выходъ изъ трудныхъ положеній человѣческой жизни... Настоящій человѣкъ долженъ бороться съ жизнью до конца и чашу самой горькой жизни выпить до дна, въ этомъ его сила и величіе... Вы не можете себѣ представить, сколько я пережилъ и перестрадалъ въ одиночномъ заключеніи, тѣ безконечные дни, когда я метался, какъ звѣрь въ комнатѣ, длиною въ 5 аршинъ и шириною въ 3, съ однимъ окошечкомъ, со столомъ, привинченнымъ къ стѣнѣ, и парашей въ углу, никогда не изгладятся изъ моей памяти... Я былъ отрѣзанъ отъ міра, предоставленъ своимъ мыслямъ, мыслямъ мрачнымъ и отчаяннымъ, въ полномъ невѣдѣніи о своей дальнѣйшей судьбѣ и оторванный отъ семьи. Одиночное заключеніе—это пытка, хуже казни... Я первое время стучался головой объ стѣну буквально, а потомъ успокоился и взялъ себя въ руки, зная, что терять надежду на лучшее будущее и предаваться отчаянію—крайняя слабость... И, видите, я пережилъ, и опять существую и знаю, что еще могу быть полезенъ людямъ.

— Да, это вы, у котораго все будущее ясно и широко! а мнѣ что осталось... могила?—скорбно спросилъ Крючковъ.

— Жизнь, твердо сказалъ Большовъ. Вы еще не калѣка и должны жить и, на сколько позволяютъ силы, работать... мы всѣ, люди мысли, все равно, какъ рабочіе одной громадной фабрики... возьмите отъ какого-нибудь колеса или станка рабочаго, когда машина въ ходу, и можетъ выйти замѣшательство и задержка во всей машинѣ... Такъ и на фабрикѣ жизни. Каждый человѣкъ связанъ съ другими близкими ему. Вырвите его насильственно, и окружающіе пострадаютъ... А мы не должны только жить для себя...

— А когда ужъ чувствуешь себя негоднымъ для другихъ, что тогда? Лучше уйти отъ жизни, сказалъ Крючковъ.

— Малодушіе, и не вамъ это говорить, Ѳедоръ Ивановичъ.

— И не намъ слушать, добавилъ Ватрушинъ, вы еще конь.

— И другіе, вотъ окружающіе, могутъ выиграть, какъ бы продолжая свою мысль, сказалъ Крючковъ.

— Какъ это?

— А такъ, если человѣкъ живой не нуженъ, а сдѣлаетъ такъ, и онъ щелкнулъ по шеѣ и, вдругъ, полезнымъ окажется... Я за семью свою не опасаюсь. У меня есть племянникъ въ Москвѣ, профессоръ университета... Въ случаѣ чего онъ не оставитъ... Онъ тоже свѣтлый—и настоящій человѣкъ!—сказалъ увѣренно и съ удареніемъ Крючковъ.

— Отчего вы къ нему не обратитесь за помощью теперь?.. не мѣшало бы, проговорилъ Ватрушинъ, думая, какъ видно, о своемъ бланкѣ.

— Не хочу-съ! Хотя и знаю, что онъ имѣетъ состояніе... Я слишкомъ гордъ для этого, рѣзко отвѣтилъ Крючковъ.

Въ этотъ моментъ изъ дальней комнаты раздался громкій и жалобный плачь ребенка. Послышался успокаивающій голосъ матери. Но плачь не унимался, а дѣлался все сильнѣе.

— Мой крестникъ?—спросилъ я, взглядывая на Крючкова.

— Онъ самый, и Ѳедоръ Ивановичъ поникъ головой.

Всѣ опустили головы, прислушиваясь къ этому младенческому, надрывчатому плачу...

— Онъ молитъ васъ о жизни, зоветъ васъ къ ней, сказалъ Большовъ.

— Аа, застоналъ Крючковъ, схватившись за голову, если бы вы знали мои дѣла, мое настроеніе, мою душу... что тамъ творится!—и съ этими словами выбѣжалъ изъ комнаты.

— Что бы такое сдѣлать, чтобы разсѣять его, отвлечь отъ этой ужасной мысли, которая гвоздемъ засѣла въ его мозгу?—воскликнулъ я.

— Ничего не придумаешь, спокойно сказалъ Большовъ, онъ слишкомъ цѣльная натура и съ такимъ характеромъ, что на него не подѣйствуютъ уговоры и рѣчи...

— Нужно упросить, умолить, волновался Ватрушинъ, нельзя же такъ оставить человѣка гибнуть...

— Господа, пойдемте закусить, торжественно, съ дѣланной улыбкой сказалъ Ѳедоръ Ивановичъ, появляясь на порогѣ комнаты.

Ужинъ былъ не веселый. Никому не пилося, не ѣлось. Самъ

Крючковъ былъ всѣхъ оживленнѣе, онъ, какъ видно, „крѣпился“ и бравировалъ. Жена его, какъ манекенъ, сидѣла съ красными глазами, глухо отвѣчая на вопросы и пристально взглядывая на меня, словно умоляя о чемъ-то.

— Хоть бы на крестника-то взглянули, насилу унялся, ревѣлъ все, какъ зарѣванный, съ упрекомъ сказала она мнѣ. Я пошелъ въ дѣтскую, оставивъ собесѣдниковъ, и подошелъ къ кроваткѣ. Малютка, загнувъ одну рученку за голову, другую высунувъ изъ-подъ теплаго одѣяла, безмятежно спалъ, улыбаясь во снѣ. Легкій румянецъ игралъ на пухленькихъ щечкахъ.

— Умаялся... спать, прошептала мать, наклоняясь надъ кроваткой.

— Что онъ видитъ во снѣ?

— Ангеловъ, сказала мать, и самъ похожъ на ангелочка— по щекѣ ея скатилась слеза.

— Револьверъ отняли у мужа?—спросила она громкимъ шепотомъ.

— Развѣ онъ отдастъ!.. заперъ его на ключъ, отвѣтилъ тихо я.

— А.. Господи, спаси насъ!—и она вышла со мной изъ дѣтской.

— Онъ, кажется, успокоился... прошепталъ я.

Она сомнительно покачала головой.

— Я, господа человекъ Николаевскихъ временъ, заговорилъ Фед. Иван., а въ наше время съ людьми не церемонились, отцы не спрашивали дѣтей, куда хотятъ идти, что желаютъ дѣлать въ жизни, а просто приказывали и сами дѣтей опредѣляли. Вотъ и меня отецъ „опредѣлилъ“ въ лѣсной корпусъ, бывшій тогда военнымъ заведеніемъ; и по щучьему рѣшенью и отцовскому прошенію сдѣлался я „лѣшнимъ“, какъ тогда звали лѣсныхъ кадетовъ, и насъ держали въ ежовыхъ рукавицахъ, и воспитывали въ насъ эту „ежевость“, давили насъ, подъ прессомъ, чтобы и мы другихъ впослѣдствіи давили, на службѣ и въ жизни... И сколько я ни оглядываюсь на себя, на свою прошлую жизнь, вездѣ была одна давка другъ друга, и ни малѣйшаго проблеска свободы личности, никогда я не чувствовалъ себя человекомъ по всей широкой землѣ русской, которую и исходилъ и измѣрилъ собственными ногами... и въ другихъ мало уважалъ человека по этой въѣвшейся привычкѣ къ рабству... По отношенію къ начальству вездѣ я чувствовалъ себя скотиной, быдломъ, вьючнымъ верблюдомъ, на которомъ

можно, сколько угодно, ѣздить, безъ малѣйшаго сопротивленія... А для того, чтобы усладить свою подневольную жизнь, сдѣлать ее сколько-нибудь сносною, приходилось прибѣгать къ тысячѣ уловокъ, обходамъ, выдумкамъ и экивокамъ, и все дѣлалось, чтобы обмануть и провести это самое начальство... Поставили меня самого начальникомъ съемки, я тоже изощрялся, руководимый собственнымъ опытомъ, въ улавливаньи своихъ подчиненныхъ межевыхъ... Я видѣлъ, какъ меня они стремятся обмануть и провести въ служебномъ дѣлѣ, которое имъ опостылѣло... и старался ихъ накрыть, изловить... и по всей Руси идетъ такой взаимный обманъ служилыхъ людей... а почему? Потому что всѣ дѣла дѣлаются не по собственной охотѣ и сознанию, а изъ-подъ палки, ахъ, эта палка, сколько она вреда надѣлала и какъ мы къ ней привыкли!

— Хорошо-съ, Ѳед. Ив., все это правильно и глубоко вѣрно, что вы сейчасъ сказали, но теперь, уходя со службы, вы же освобождаетесь отъ этихъ ненавистныхъ условій давленія и должны не только грустить, но радоваться, замѣтилъ Большовъ.

— А жить чѣмъ? а кормить мою араву какъ? спросилъ Крючковъ.

— Да развѣ нѣтъ частной работы и службы?...

— А силы гдѣ?... Вѣдь у меня ужъ руки трясутся, я еле пишу... Вотъ тутъ-то и бѣда. Деспотизмъ воспитанія и вѣчное насиліе надъ личностью въ юные и рѣзвые годы службы вытравили во мнѣ „человѣка“, годнаго для свободной и широкой дѣятельности...

— Да въ васъ широта такая, что для васъ сфера межевой дѣятельности слишкомъ узка... васъ въ клѣтку на всю жизнь заперли, вставилъ Большовъ.

— А разъ вытравили во мнѣ человѣческія качества, продолжалъ Ѳ. И., пропустивъ мимо ушей замѣчаніе Большова, трудно ихъ возстановлять въ 65 лѣтъ, нельзя заставить рѣку обратиться вспять, нельзя старому человѣку сдѣлаться юношей и начать жить сначала по-новому...

Всѣ задумались, каждый искалъ въ своей головѣ возраженія противъ этой неумолимой исповѣди, когда подводятся итоги жизни человѣка и этотъ человѣкъ себя безжалостно распластываетъ и обнажаетъ.

— То, что вы чувствуете, Ѳед. Ив., и говорите, можетъ быть, говорятъ и думаютъ большинство русскихъ чиновниковъ, а, если не скажутъ, то подумаютъ на склонѣ дней своихъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они должны себя немедленно уни-

чтожить въ моментъ такого сознанія своей горькой судьбы, являющейся слѣдствіемъ общаго строя русской жизни,—проговорилъ Большовъ послѣ тяжелой паузы.

— О семьѣ надо подумать... о семьѣ прежде всего, Фед. Ив., сказалъ Басневъ, до сихъ поръ молчавшій.

— Семья! да!—словно пробуждаясь отъ сна, воскликнулъ Фед. Ив. и оглянулся на двѣ кровати, гдѣ спали блаженнымъ сномъ его старшіе сыновья.

— Будетъ ли еще семьѣ моей хуже безъ меня, это вопросъ, и онъ задумался.

Всѣ встали изъ-за стола. Было поздно. Гости стали прощаться.

— Я васъ, господа, не задерживаю... Миѣ еще нужно кое-что написать, поработать, завтра 20-е число, и онъ загадочно и натянуто улыбнулся.

— Прощайте, господа!—крикнулъ намъ Крючковъ съ порога и быстро захлопнулъ наружную дверь. Мы вышли на улицу съ тяжелымъ чувствомъ, но, какъ видно было, у каждаго изъ насъ тлѣлась на днѣ души слабая искра надежды, что этотъ человѣкъ, подводившій жизненные итоги, пробудился къ жизни, встрепенется и будетъ жить. Каждый пытался это по-своему высказать передъ разставаньемъ. Одинъ Большовъ только, пожимая намъ руки, проговорилъ, качая головой:

— Трудно, господа, человѣка уломать и выбить изъ него страшную мысль, гвоздемъ засѣвшую въ его подавленномъ мозгу...

XIV.

На другой день я всталъ съ больной головой, плохо проспавъ ночь, и мрачно пилъ утренній чай. Фелицынъ влетѣлъ въ мою комнату, какъ бомба, съ блѣднымъ, перекошеннымъ лицомъ.

— Говорилъ я вамъ; что онъ застрѣлится! Зачѣмъ вы не отняли у него револьверъ?

— Что вы говорите?—вскрикнулъ я, чувствуя, что морозъ по кожѣ пробѣгаетъ, и зубы начинаютъ стучать. То, чему я не вѣрилъ, что гналъ отъ себя всю ночь, какъ кошмаръ, случилось...

— Какъ?! Когда?—спрашивалъ я, хватая за руку Фелицына.

— Сегодня утромъ, въ десятомъ часу... Передъ раздачей жалованья за полчаса, пока еще межевые не собрались, онъ

легъ на кровать и выстрѣлилъ себѣ въ ротъ изъ того стараго револьвера, который онъ передъ нами вертѣлъ въ рукахъ... Ни кровинки не вышло...

— И тутъ же сейчасъ... смерть?

— Конечно... не пикнулъ... Пуля, должно быть, въ мозгахъ застряла... черепа не пробила... Прибѣжалъ „нашъ“ Бердяевъ снизу на выстрѣлъ... жена обезумѣла... Открыли сундукъ съ деньгами, и тамъ ни копѣйки... Теперь жалованье не изъ чего выдавать, отрывисто говорилъ Фелицынъ.

— Бѣжимъ туда, крикнулъ я, и мы побѣжали съ Фелицынымъ по улицѣ.

Во мнѣ что-то оборвалось, что-то треснуло, мысли спутались, я ни о чемъ не думалъ, но мною овладѣло непреодолимое стремленіе быть на мѣстѣ катастрофы, увидеть мертваго Крючкова, котораго ночью я видѣлъ живымъ, который такъ ясно и опредѣленно говорилъ о своей жизни... Мнѣ не вѣрилось, что я увижу трупъ... „ничто“... прахъ, мнѣ это казалось дикимъ, невѣроятнымъ, невозможнымъ... Я не могъ переварить идеи смерти, самоубійства. Я долженъ былъ видѣть, осязать...

Я вбѣжалъ въ кабинетъ и бросился къ постели, простой, деревянной постели, сдѣланной изъ двухъ козелъ, соединенныхъ досками, на которые былъ накинута матрасъ, покрытый старымъ, байковымъ одѣяломъ. Но кровать пуста была... только одѣяло было смято, какъ послѣ только-что лежавшаго на немъ человека.

— Куда Крючкова дѣвали?—крикнулъ Фелицынъ за моей спиной проходившему служителю.

— Въ больницу повезли... вскрывать, отвѣтилъ угрюмо служитель, вотъ здѣсь они и застрѣлили себя сразу, безъ муки, говорилъ онъ, показывая на смятую постель... Я убиралъ чертежную... слышу вдругъ шумъ, словно шкафъ большой упалъ здѣсь... бросился, какъ угорѣлый, сюда, а Ѳ. И. ужъ готовъ... глаза закрылъ, только изо рта капелька крови видна была и словно спитъ, револьверъ едва вынули изъ руки, такъ законѣла...

Изъ дальнихъ комнатъ слышалось всхлипыванье.

— Вдова плачетъ, тихо сказалъ Фелицынъ, надо идти къ ней... Я машинально двинулся за нимъ. Случившееся мнѣ казалось тяжелымъ сномъ... кошмаромъ. Я обернулся на порогѣ кабинета и взглянулъ назадъ. Около простого письменнаго стола стоялъ облѣзлый вѣнскій стулъ, подвинутый въ бокъ... Казалось, вотъ только-что на немъ сидѣлъ человекъ и всталъ

съ него, чтобы сдѣлать нѣсколько „последнихъ“ шаговъ къ ложу, черезъ минуту ставшему для него смертельнымъ... На столѣ стоялъ недопитый стаканъ чаю съ лимономъ, возлѣ—брошенный окурокъ папиросы, положенный на край стола... На столѣ запечатанныя письма... Былъ живъ человекъ, тутъ сидѣлъ, курилъ, пилъ чай и „куда-то ушелъ“... Куда? Я подошелъ къ столу и распечаталъ письмо, адресованное на мое имя. На сѣрой бумагѣ нетвердымъ, порывистымъ почеркомъ были написаны слѣдующія строки: „Простите мнѣ, П. И., если я чѣмъ-нибудь огорчилъ Васъ. Видитъ Богъ, что я любилъ васъ, какъ сына. Не судите меня строго за мой поступокъ. Засосала жизнь, служба, семья... все вмѣстѣ. Здѣсь я бесполезенъ... Семья не должна погибнуть безъ меня, Если бы Вы знали, какъ мнѣ тяжело... Прощайте! Вашъ Ѳ. Крючковъ“.

Удручающе подѣйствовало на меня это краткое посланіе „ушедшаго“ изъ жизни человекъ. Взявъ письмо, какъ послѣдній слѣдъ души „конченнаго“ человекъ, я вышелъ къ вдовѣ... Фелицынѣ ее по-своему утѣшалъ, строго, отрывисто. Она молча всхлипывала и сидѣла съ красными, испуганными глазами.

— Письмо вамъ оставилъ Ѳедоръ Ивановичъ, прошептала она мнѣ, двигая поблѣвшими губами.

— Я прочелъ его, тихо отвѣтилъ я.

— Онъ цѣлую ночь писалъ письма, добавилъ Фелицынъ, даже Бердяеву нашему написалъ, а тотъ сильно встревожился... вѣдь Бердяевъ ему полный кредитъ передалъ за цѣлый годъ, теперь роется, растрчено болѣе 2.000, какъ разъ все жалованье межевымъ за мѣсяць... бѣгаетъ теперь...

— Ему бы только о деньгахъ думать, а что человекъ умеръ, ему не больно, глухо и сурово сказала Крючкова. Два маленькихъ мальчика и дѣвочка подростокъ (старшіе ушли въ гимназію) прижались по угламъ и, какъ воробьи, послѣ удара грома и ливня, нахохлившись, испуганно глядѣли, вздрагивая плечами.

— Старшіе-то не знаютъ еще?—спросилъ я, взглядывая на дѣтей.

— Послали за ними въ гимназію, отвѣтила Крючкова, стирая платкомъ глаза. Господи помилуй, какая бѣда! Старикъ, старикъ! и она заголосила...

Въ это время раздалось громкое топанье знакомыхъ шаговъ отъ наружной двери къ кабинету.

— Генералъ нашъ опять прибѣжалъ, сказалъ Фелицынъ.

— Онъ ужъ четвертый разъ бѣгаетъ сюда... все документовъ какихъ-то ищетъ, меня спрашиваетъ, а я почему знаю, пускай роется въ сундукъ, говорила, словно жалуясь, Крючкова.

— Пойдемъ къ нему, посмотримъ, каковъ онъ, сказалъ Фелицынъ, дернувъ меня за рукавъ. Бердяевъ рылся въ сундукъ, потный, съ всклокоченными сѣдыми волосами, небрежно одѣтый... Глаза его свирѣпо смотрѣли изъ-подъ очковъ, съѣхавшихъ съ носа.

— Какое свинство человѣкъ сдѣлалъ... старикъ... оставилъ семью голодную и казенныя деньги растратилъ, платить еще за него придется, накинулся Бердяевъ на насъ, точно виноватыхъ въ происшедшемъ.

— Да чего вы роетесь тутъ? спросилъ Фелицынъ.

— Надо тутъ... одну вѣдомость сыскать.

— Бросьте, посылайте скорѣй телеграмму министру о пособіи, да племяннику телеграфируйте въ Москву, совѣтовалъ категорически Фелицынъ. Бердяевъ, отоидя отъ сундука, задумался и оттопырилъ нижнюю губу.

— Что тутъ дѣлать? Не знаешь, за что взяться, голова кругомъ идетъ, проговорилъ онъ, беспомощно разводя руками.

— Дѣлайте такъ, какъ я вамъ говорю...

— Идемте составлять телеграмму... помогите, и онъ, умоляюще посмотрѣвъ на Фелицына, убѣжалъ, топая ногами.

— Совсѣмъ ребенокъ, страсть боится, что придется свои деньги платить за Крючкова, сказалъ Фелицынъ съ презрительной усмѣшкой и убѣжалъ вслѣдъ за Бердяевымъ.

XV.

Вечеромъ была панихида. Гробъ стоялъ на томъ длинномъ обѣденномъ столѣ, за которымъ мы, наканунѣ, ужинали съ покойнымъ Крючковымъ. Какая страшная перемена мѣста! Онъ лежалъ теперь неподвижно, отдѣленный гробовой гранью отъ его друзей, сослуживцевъ, семьи и всего живого люда. Осунувшееся лицо, приподнятое подушкой, хранило строгій, нѣсколько изумленный видъ. Словно его закрытые глаза видѣли передъ собой что-то новое, удивительное и высшее для земного пониманія.

Межевые и производители толпились въ большой комнатѣ чертежной. Пришелъ Бердяевъ, роздали восковыя свѣчи и стали ихъ зажигать.

— Теперь, братъ, смиренно будешь лежать, не будешь гонять да подтягивать межевыхъ, прошипѣлъ Остапенко, зажигая отъ

моей свѣчи свою. На лицахъ межевыхъ, освѣщенныхъ горящими свѣчами, не было написано грусти, а скорѣе увѣренность, что „онъ не встанетъ и не распечетъ никого“... Одинъ Басневъ былъ грустенъ, да заштатные старики, удрученные мыслью, что и ихъ ожидаетъ та же дорога, были очень мрачны.

— Хорошій человекъ, говорилъ мнѣ Ватрушинъ послѣ панихиды, а вотъ не любили его межевые... да и на-поди... небось „ежовыми“ рукавицами любви не приобрѣтешь...

— По векселямъ-то вашимъ заплатилъ Крючковъ?—спросилъ насъ Фелицынъ.

— Слава тебѣ, Господи, заплатилъ, не оставилъ худой славы по себѣ, съ радостнымъ спокойствіемъ отвѣтилъ Ватрушинъ.

— А вотъ ему многіе остались должными изъ межевыхъ, замѣтилъ Фелицынъ, и документовъ нѣтъ, кромѣ записи въ книжкѣ.

И дѣйствительно сумма, щедрой рукой розданныхъ денегъ межевымъ, была немного менѣе разстраченной казенной суммы, какъ это выяснилось потомъ, изъ подсчета записной книжки. На другой день пришла къ вечеру чрезвычайно утѣшительная для Бердяева телеграмма. Племянникъ Крюčkова, московскій профессоръ, перевелъ по телеграфу, разстраченную Крючковымъ, сумму казенныхъ денегъ. Его имя было совершенно реабилитировано... Другой телеграммой отъ Д—та назначалось крупное пособіе семьѣ. На выносѣ тѣла „генераль“ имѣлъ радостный видъ, куда дѣвалась его растерянность?

— Смотрите, какъ „нашъ-то“ ожилъ, шепталъ мнѣ, показывая глазами на Бердяева, Фелицынъ.

— На долго ли?—спросилъ я.

— Да... отставку получить и капуть... перестанетъ суетиться...

Отпѣваніе было торжественное. Медицинское вскрытіе констатировало, что, „самоубійство было совершено въ ненормальномъ состояніи“ и въ мозгу оказались какія-то подозрительныя нити... Когда выносили тѣло изъ кладбищенской церкви, я, вмѣстѣ съ прочими сослуживцами, несъ гробъ... Ноги покойника, обутые въ новыя кожанныя туфли, ударялись около меня о стѣнку гроба съ деревяннымъ сухимъ стукомъ. Черезъ полчаса все было кончено. Вмѣсто Крюčkова желтѣла глыба мерзлой, вновь насыпанной, земли. Встрѣтившись со мной на кладбищѣ, Большовъ спросилъ меня: „къ чему эта человѣческая жертва?“

Я затруднился что-нибудь ему отвѣтить.

П. И. Соколовъ.